

Павел Глушаков, доктор филологических наук

Лев Сергеевич Сидяков: очерк научной деятельности

Профессор Лев Сергеевич Сидяков (1932 – 2006), чьи дед, бабушка, отец¹ и дядя в 1919 году эмигрировали из Советской России² в Эстонию, а позднее обосновались в Риге, всю свою научную и преподавательскую деятельность посвятил пушкиноведению³. Высокая академическая культура, привнесенная ученым из Пушкинского Дома⁴, позволила кафедре русской литературы Латвийского (тогда еще Государственного) университета в сравнительно короткое время получить не только известность, но и завоевать заслуженный авторитет далеко за пределами Прибалтики; а учитывая близость Тарту, «сосуществование» пушкиноведческих школ Ю.М. Лотмана и Л.С. Сидякова не ощущалось никогда оппозиционным: Юрий Михайлович был автором неперiodических рижских Пушкинских сборников, а Лев Сергеевич в 1975 году защитил в Тартуском университете докторскую диссертацию «Проза и поэзия Пушкина (соотношение и взаимодействие)»⁵.

В начале 60-х годов в Латвийском университете благодаря тогда еще доценту Сидякову начала складываться своя пушкиноведческая традиция, которая уже к началу 70-х годов обретает очертания «пушкинской группы» (в неформальной форме неперiodического семинара), осознающая теперь, по прошествии лет, как вполне зрелая школа по изучению творчества Пушкина. Для становления «школы» принципиально важным обстоятельством является факт «классического наследия», «эстафеты поколений» и преемственности. Лев Сергеевич Сидяков был «пушкиноведом старой школы» (по точной характеристике Л.И. Вольперт)⁶, непосредственным учеником Н.В. Измайлова и Б.П. Городецкого и отчасти Б.В.

Томашевского (чья фотография всегда находилась на рабочем столе профессора Сидякова, а портрет Учителя долгие годы висел в кафедральном кабинете). «Разносторонне образованный, глубокий и добросовестный до «въедливости», — отмечает Л. Вольперт, — соединяющий в себе ипостаси исследователя-новатора, знатока-текстолога и прирожденного Учителя... <...> В его монографиях и статьях исследовательская стратегия строилась преимущественно вокруг феномена развития поэтики Пушкина, движения, «мостов», «переходов», всякого рода внутренних «переключек» и творческих связей: поэзии и прозы, «романа в стихах» и «болтливой поэмы», исторического повествования и «Евгения Онегина»; «компаративистская» (условно говоря) стратегия неизменно приводила к интереснейшим новаторским выводам»⁷.

Эта стратегия стала определяющим фактором: безупречная, можно сказать, образцовая (классическая) филологическая подготовка, основательная и «выверенная» методология (иронично, но уважительно охарактеризованная Ю.М. Лотманом: «...некоторая нудность городецки-измайловского типа, но он много и точно знает по Пушкину и заметно движется вперед»⁸), удивительное знание *всего* творчества Пушкина (черта, к сожалению, постепенно утрачиваемая в процессе «узкой» специализации, развившейся в последующие годы), — все это стало фундаментом будущей рижской пушкиноведческой школы.

Профессор Л.С. Сидяков умел и любил работать в «старомодной» форме «семинария», когда эти, по существу, факультативные (в условиях будничной лекционной практики) занятия превращались в «пиршество» научной

мысли. Такую реликтовую (но чрезвычайно привлекавшую пытливых студентов) форму занятий Лев Сергеевич унаследовал от одного из своих учителей — Николая Васильевича Измайлова. В воспоминаниях об Измайлове находятся строчки, которые с полным основанием можно адресовать и самому Сидякову: «Обычно строгий, даже несколько старомодно чопорный, дома он бывал чрезвычайно открыт и гостеприимен»⁹.

Из таких семинаров, посвященных прозе Пушкина, анализу «Медного всадника», постепенно выкристаллизовывался «пушкинский кружок» рижской кафедры русской литературы. Занятия с близкими учениками часто проводились на квартире Льва Сергеевича, а методикой «разбора» чаще всего было столь «непопулярное» сопоставление, поиск источников, предположения об атрибуции, «вчитывание», анализ контекста, словарных значений и комментирование реалий. Эффектные «концепции» всегда оставались на периферии интересов пушкинского кружка. Первым печатным итогом работы семинара стал небольшой сборник студенческих работ 1965 года¹⁰, а затем последовали четыре Пушкинских сборника (1968; 1974¹¹; 1983 и 1986 гг.), весьма заметных на относительно малокнижье тех лет и очень точно охарактеризованных А.С. Немзером как «рабочая пушкинистика»¹².

Л.С. Флейшман вспоминал: «У нас в Риге был такой «Пушкинский кружок», куда кроме меня входили Евгений Тоддес и Роман Тименчик, частично — Борис Равдин. А руководил нами, то есть занимался прививкой нам пушкинизма, Лев Сергеевич Сидяков. Это был такой островок «безыдейности», беспартийности посреди моря комсомольско-партийной демагогии».¹³

Вполне «естественно» для тех лет, что подобный *островок безыдейности* в самом скором времени был подвергнут атаке «неистовых ревнителей». «В середине 1960-х годов, — писал Л.С. Сидяков, — я переживал трудные времена¹⁴. У нас на кафедре произошел конфликт; в партийных кругах я был ославлен «внутренним эмигрантом», «идеологическим противником», меня всячески травили, заодно отыгрываясь на моих студентах»¹⁵. На почти 10 лет прекратилось издание Пушкинских сборников, участники кружка, о которых с нескрываемой гордостью позже писал Лев Сергеевич («Именно в первой половине 1960-х годов у нас учились особо одаренные студенты, в будущем ставшие крупными учеными, — Л.С. Флейшман¹⁶, ныне профессор Стэнфордского

университета в США, Р.Д. Тименчик¹⁷, ныне профессор Еврейского университета в Иерусалиме, Е.А. Тоддес¹⁸, выдающийся литературовед, ныне живущий в Москве»¹⁹), оказались за пределами Риги.

В 1973 году выходит книга «Художественная проза А.С. Пушкина», в которой Л.С. Сидяков предпринял весьма удачную попытку дать «систематический обзор всей прозы Пушкина»²⁰. Книга родилась на основе многолетних лекционных курсов ученого, и эта непосредственная и живая связь между преподавательской практикой и академической теорией станет важным принципом пушкиниста. Неслучайно, что оставшаяся незавершенной книга о творческом пути поэта основывалась все на тех же неразрывных связях.

«Художественная проза А.С. Пушкина» по спрессованности, насыщенности материалом, лаконичности и точности следующих выводов стала ценным вкладом в науку о Пушкине, ссылки на эту книгу (а еще чаще отсылки и вторичное цитирование использованных в ней материалов) можно встретить в большом числе современных публикаций.

Подводя итог своему исследованию, Л.С. Сидяков писал: «Оглядываясь на путь, пройденный Пушкиным-прозаиком от его истоков до завершения, обращает на себя внимание разнообразие тех художественных исканий, которые определяли развитие пушкинской прозы. Возникнув в период становления русской прозы XIX века, в канун ее расцвета, проза Пушкина была поставлена перед решением задач исторической важности: выработкой форм, жанров, стилистики и проблематики, перспективных для русской литературы. Неудовлетворенный современным состоянием русской прозы, Пушкин сознательно берет на себя их решение; настойчивое стремление создать произведения, которые могли бы стать прообразом будущей русской прозы, характеризует направление его поисков»²¹. И далее: «...воздействие прозы Пушкина на последующую русскую литературу не было прямым повторением стилистических принципов его прозы; в этом отношении русская литература второй половины XIX века скорее отталкивалась от Пушкина, нежели шла за ним. Речь идет о другом; русская литература обратилась к прозе Пушкина потому, что нашла в ней решение тех проблем, которые встали перед ней и впоследствии. Пушкин прокладывал пути последующим писателям и тогда, когда в «Пиковой даме» разрабатывал глубокие социальные и психологические проблемы, и тогда, ког-

да в ряде своих произведений поставил проблему народа и народных движений, и тогда, наконец, когда он раскрыл внутреннюю жизнь современного русского общества в ряде своих незавершенных замыслов. Русский роман XIX века воспринял многое из того, что, подчас едва намеченное, определяло художественные искания Пушкина в его прозе; в ней — истоки того пути, которыми русская литература пришла к свершениям, обеспечившим ей мировую славу. <...> ...недооцененная современниками, проза Пушкина была как бы вновь открыта русской литературой и способствовала решению тех задач, которые ставили в своем творчестве и Достоевский, и Толстой, и Чехов, и другие писатели вплоть до нашего времени. В этом и заключается великое значение прозы Пушкина, как и его творчества в целом»²².

Думается, в плодотворной мысли Л.С. Сидякова об «отталкивании от Пушкина» кроется центральный методологический принцип развития рижской пушкинистики: не только герметичное рассмотрение произведений (хотя интерпретационная традиция рассмотрения, например, «Медного всадника» дала существенные результаты для этой отрасли пушкиноведения), а конкретное контекстирование в последующей историко-литературной эпохе. Истинным «книжным гурманством» отличался непререкаемый и любимый самим Львом Сергеевичем семинар по пушкинскому источниковедению и библиографии. Эти богатые на неожиданные открытия и поражающие своей библиофильской скрупулезностью занятия für wenige до сих пор являются одним из самых теплых и живых воспоминаний их участников (о безусловной полезности и даже необходимости таких «реликтовых» курсов излишне и говорить). Библиографические справочники и указатели превращались из мертвых каталогов давно минувших дней в удивительно интересный документ поисков, ошибок и заблуждений, обретений и открытий. Обращение к пушкинским источникам, прижизненным изданиям и изучение периоды пушкинской поры даже «обычных» студентов (очень часто волею случая оказавшихся в таком семинаре) превращало во вдумчивых читателей, прививало уникальную культуру книголюбия. О своей ценной пушкиноведческой библиотеке и о некоторых общих вопросах «творческой лаборатории» профессор Сидяков рассказал в анкете, предложенной «Альманахом библиофила»²³.

Вопросам текстологии и комментирования произведений Пушкина (лирики 1830-

гг., по преимуществу) были посвящены последние годы ученого. Л.С. Сидяков трудился в Пушкинской комиссии РАН, много внимания уделял подготовке Четвертого тома академического Полного собрания сочинений поэта, подготовил в серии «Литературные памятники» том «Стихотворения Александра Пушкина» (1997), включающий исчерпывающую статью «Прижизненный свод пушкинской поэзии» и обстоятельные примечания²⁴. Нельзя не упомянуть образцовое издание Львом Сергеевичем репринта «Библиотека А.С. Пушкина» (1988) с сопроводительной статьей и примечаниями к работам Б.Л. и Л.Б. Модзалевских²⁵.

Исследовательская манера Л.С. Сидякова всегда заключалась в живой связи с актуальными, нерешенными, спорными вопросами науки о Пушкине. Ученый всегда сопрягал этот исследовательский интерес с казалось бы вторичными задачами: научные статьи имели своим адресатом не только сравнительно узкий круг посвященных, профессиональных пушкиноведов, но и наиболее пытливую часть студенчества. Поэтому столь увлекательно и сегодня следить за развитием поисковой интенции в статьях Льва Сергеевича, особенно в столь любимых им в последние годы текстологических штудиях²⁶. Так, анализируя проблемы и перспективы пушкинской текстологии в канун «многострадального» нового Полного собрания сочинений, Л. Сидяков посвящает вводно-констатирующей части только два первых абзаца: «Подготовка нового академического издания сочинений Пушкина, естественно, актуализовала изучение пушкинского наследия. Не оспаривая высокого уровня прежнего, так называемого «большого» академического издания Полного собрания сочинений Пушкина, подготовленного крупнейшими пушкинистами-текстологами, приходится признать, что не все их решения могут восприниматься как непререкаемые и не нуждающиеся в проверке по первоисточникам»²⁷. А затем следует узнаваемая для всех, кто когда-либо слушал лекции или посещал семинары ученого фраза «Начну с простейшего примера...» — и вся статья из сугубо теоретического и схоластического опуса превращается в эвристическое исследование, по-своему сюжетное и даже в некоторой степени драматическое.

В свое время точные слова о научном и жизненном пути профессора Сидякова сказал его ученик Л. Флейшман: «Весь научный путь Л.С. Сидякова неразрывно связан прежде все-

го с изучением Пушкина. Его работы о пушкинской прозе, многочисленные историко-литературные и текстологические исследования, подготовленные и изданные им в Риге Пушкинские сборники ставят Л.С. Сидякова в ряд наиболее авторитетных специалистов-пушкинистов. Работы его продолжают лучшие традиции русского литературоведения XIX и XX веков.

Творчество Сидякова отличается безупречной точностью, строгостью научного метода, превосходное владение материалом, исчерпывающее знание источников, глубина аналитического проникновения в художественный текст и исторический документ, пристальное внимание к вопросам художественной формы и стиля. Л.С. Сидяков и созданный по его инициативе еще в 1960-е годы студенческий Пушкинский кружок смогли самим духом своей научной деятельности противостоять идеологическому давлению и явились своеобразным островом гражданской независимости и вольномыслия в Латвийском университете.

Ученики Л.С. Сидякова, пройдя суровую научную школу пушкинистики, не только сумели объявить о себе оригинальными выступлениями в этой наиболее разработанной в России области литературоведения, но и перенесли ее научные принципы и критерии на темы, в то время полузапретные, едва освещавшиеся советской журнальной критикой и эссеистикой и совсем не затронутые академической наукой — Ахматова, Мандельштам, Пастернак. Л.С. Сидяков поддерживал в своих учениках выход как в сторону теоретической поэтики, так и в сторону историко-документальных, архивных штудий. Две эти основные тенденции, в разных дозах представленные и по-разному преломившиеся в работах питомцев его кружка, оказались глубоко созвучны направлению, проложенному в 1960-е годы Тартуско-Московской школой во главе с Ю.М. Лотманом. Еще в середине 60-х гг. первые поездки учеников Льва Сергеевича в Тарту послужили началом тесных контактов между литературоведами как старшего, так и младшего поколений Тарту и Риги»²⁸.

Неуспокоенность, неподдельный интерес к науке как открытию нового, щедрость, с которой Л.С. Сидяков делился со своими учениками мыслями, замыслами, идеями, — все это позволяет вспомнить о личности и трудах замечательного пушкиниста.

Примечания

¹ Мемуары отца Льва Сергеевича см.: *Сидяков С.Н. Летопись беженства* (публикация Ю.Л. Сидякова) // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. II. Таллинн: Авенариус, [1996]. С. 269-319.

² См. подр.: Род Сидяковых // Покровское кладбище: Слава и забвение. Рига, 2004. С. 128-129.

³ Характеристику пушкиноведческих взглядов ученого см.: *Глушаков П.С. Памяти профессора Л.С. Сидякова* // Московский пушкинист. Вып. XII. Москва: ИМЛИ, 2009. С. 430-436.

⁴ Вспоминая аспирантские годы, Л.С. Сидяков писал: «Осенью 1954 года после завершения учебы в Латвийском университете я поступил в аспирантуру Пушкинского Дома, к чему давно стремился. Пушкинский Дом переживал тогда не лучшие времена. Заканчивалось правление Н.Ф. Бельчикова, официозного ученого, насаждавшего в институте аракеевский режим, занимаясь, по словам Д.С. Лихачева, «главным образом, бдительной охраной литературоведения и опорочиванием ученых-литературоведов». Вскоре, однако, времена переменились, Бельчикова убрали, и на его место пришел сравнительно молодой и энергичный партийный функционер А.С. Бушмин. В прошлом за ним водились неприглядные дела во время кампании против «космополитов», но он, «колеблясь вместе с линией партии», оказался способным и к благотворным переменам. Начиналась хрущевская «оттепель», и это открыло возможность кадрового обновления Пушкинского Дома, привлечения в него крупных ученых, прежде подвергавшихся гонениям, например, Б.М. Эйхенбаума» (Л.С. Сидяков. *Годы с Н.В. Измайловым* // Пушкинист Н.В. Измайлов в Петербурге и Оренбурге. Калуга, 2008. С. 135). Немаловажным фактом является то, что созданный в 1957 году в ИРЛИ Сектор пушкиноведения начал свою работу, собственно, с обсуждения доклада аспиранта Сидякова «Пушкин и развитие русской повести в начале 30-х годов XIX века» (См.: *Петрунина Н.Н. Сектор пушкиноведения Института русской литературы* // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 3. С. 505), в первом же томе издания «Пушкин: Материалы и исследования» была опубликована информационная заметка рижского аспиранта.

⁵ Ю.М. Лотман был одним из оппонентов на защите этой диссертации; кроме этого, при неосуществившемся замысле журнала «Пушкиноведение сегодня» Л.С. Сидякову, по инициативе Лотмана, предлагалось стать членом редколлегии журнала.

⁶ *Л. Вольперт. Памяти Льва Сергеевича Сидякова* // <http://www.ruthenia.ru/document/537874.html>

⁷ Там же.

⁸ См. письмо к Б.Ф. Егорову: *Лотман Ю.М.*

Письма. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 277.

⁹ Л.С. Сидяков. Годы с Н.В. Измайловым // Пушкинист Н.В. Измайлов в Петербурге и Оренбурге. Калуга, 2008. С. 142.

¹⁰ Пушкинский сборник. Студенческое научное общество. Рига: ЛГУ, 1965. Любопытно, что в хронике сборника упоминается о визите в Ригу сотрудника ИМЛИ А.Д. Синявского; это, возможно, последнее упоминание имени ученого в печати, так как уже в сентябре 1965 года Андрей Донатович был арестован. См. воспоминания Р.Д. Тименчика (относящиеся, видимо, к 1962 году): «Первый студенческий месяц <в ЛГУ> ушел на колхоз, а потом нам объявили, что приедет лектор из ИМЛИ с курсом о современной поэзии. На лекции набилось очень много народу в надежде услышать о своих любимцах – Евтушенко, Вознесенском, Рождественском. Лектор с самого начала отвел вопросы по этой теме, сказав, что он сосредоточится только на истоках той поэзии, которую так любит молодежь, и будет рассказывать о символистах, акмеистах, футуристах и так далее. И начались лекции. Это был спектакль: лектор был театрален, интенсивно бородат, временами меланхолично задумчив, временами неистово агрессивен и скрыто саркастичен – все возможное богатство интонаций хорошо настоящей русской речи. Это был Андрей Донатович Синявский. И когда я прослушал это двухнедельное чудо ораторского – и не просто ораторского, а даже и проповеднического – искусства, то подумал, что тоже хотел бы заниматься тем, чем занимается этот человек» (Роман Тименчик: «У меня самоощущение латвийского русскоязычного еврея» (интервью) // <http://lechaim-journal.livejournal.com/99943.html>).

¹¹ Любопытно, что большую роль в прохождении сквозь «умственные плотины» рижских сборников сыграл В.Э. Вацура, свидетельством чего является надпись, сделанная рукой Л.С. Сидякова на экземпляре книги, подаренной Вадиму Эразмовичу: «Дорогому Вадиму Эразмовичу Вацура – «крестному отцу» этой книги – с искренней и сердечной благодарностью. Л. Сидяков, Р. Тименчик. Рига, 3.1.1975». Благожелательная рецензия на этот выпуск трудов см.: В.Э. Вацура: материалы к биографии. М.: НЛО, 2005. С. 289-292.

¹² Немзер А. Рабочая пушкинистика // Вопросы литературы, № 3, 1988, С. 219-229.

¹³ Лазарь Флейшман: «Мне хотелось, чтобы между мной и эпохой была дистанция...» (интервью) // <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Mne-hotelos-chtoby-mezhdu-mnoj-i-epochoj-byla-distanciya>

¹⁴ Нужно отметить, что «трудные времена» распространялись по существу и на 70-е гг.; см. свидетельство Ю.М. Лотмана в частном письме к Б.Ф. Егорову (от августа 1975 года): «...не могли бы Вы прозондировать Фохта: не согласился бы он в ноябре выступить у нас оппонентом у Сидякова по прозе Пушкина (Сидякову лихо, хорошо бы ему помочь)» (Лотман Ю.М. Письма. М.: Языки рус-

ской культуры, 1997. С. 259).

¹⁵ Л.С. Сидяков. Годы с Н.В. Измайловым // Пушкинист Н.В. Измайлов в Петербурге и Оренбурге. Калуга, 2008. С. 140.

¹⁶ Научный интерес, сформировавшийся у Л.С. Флейшмана в годы учебы под руководством Сидякова, можно условно назвать «От Пушкина к Пастернаку»; в это время Л.С. Флейшман опубликовал статью, которую и поныне он включает в качестве заглавной в программное собрание своих трудов: Из истории элегии в пушкинском пору // Пушкинский сборник. Рига: ЛГУ, 1968. С. 24-53; ср.: Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 5-30. См. свидетельство Флейшмана: «Мы были веселые, молодые, бесшабашные, несдержанные на язык. Я и мои товарищи по «Пушкинскому кружку» бросились в работу по двадцатому веку, тогда едва ли не «запрещенному» университетской программой, еще на втором курсе. И поделили сферы влияния: Тименчик занимался ахматовскими архивами, Тоддес – Мандельштамом, а я – Пастернаком. <...> Пастернак тогда еще не был предметом академического изучения, а Евгений Борисович только приступал к подготовке изданий отца на родине. В то время даже сам факт, что ты интересуешься Пастернаком, афишировать было неприлично: это подкрепляло другие нехорошие в отношении тебя подозрения. Но я полюбил стихи Пастернака еще подростком, хотя мне и в голову не приходило, что спустя годы буду заниматься ими профессионально. Большое значение имело и то, что в ноябре 1962 года в Ригу приехал молодой критик «Нового мира» и сотрудник ИМЛИ Андрей Синявский (он же Абрам Терц).

Книги Абрама Терца к тому времени уже вышли во Франции и других странах. А в Ригу он приехал читать лекции «Русская поэзия XX века». Абсолютно тогда немыслимая тема, ни в какие программы она не входила, даже интерес к ней и тот считался незаконным, а тут критик из самой Москвы, и получается, что – разрешено. К университетскому начальству и профессорам Синявский не питал никакого интереса, а к студентам тянулся. Так произошло наше сближение. Андрей Донатович сразу пригласил меня к себе домой, и я, как говорил уже, останавливался у него в подвальчике в Хлебном переулке, где был настоящий склад запрещенной литературы. «Доктора Живаго» я впервые прочел там. И только что вышедший пастернаковский трёхтомник, и альманахи разные. На меня пахло совсем другим миром. Я сидел за столом в подвальчике и переписывал целыми страницами эти книги» (Лазарь Флейшман: «Мне хотелось, чтобы между мной и эпохой была дистанция...» (интервью) // <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Mne-hotelos-chtoby-mezhdu-mnoj-i-epochoj-byla-distanciya>).

¹⁷ В пушкиноведческих сборниках Риги были помещены следующие работы Р.Д. Тименчика: 1) Ахматова и Пушкин (1968); 2) Ахматова и Пуш-

кин. Заметки к теме. II (1974); 3) «Медный всадник» в литературном сознании начала XX века (1983); 4) Ахматова и Пушкин. Заметки к теме. III (1986). О повороте к своим «магистральным темам» Тименчик вспоминает: «В университете я посещал кружок очень хорошего пушкиниста Льва Сергеевича Сидякова, собирался заниматься пушкинской прозой (в итоге писал диплом по творчеству Антония Погорельского). Но одновременно с пушкинскими штудиями я и мои друзья уговорили молодого преподавателя Дмитрия Ивлева (Д.Д. Ивлев, 1932 – 2009, стал профессором Латвийского университета, автором книг о творчестве Маяковского, исследователем формалистов; см. его работы тех лет: ОПОЯЗ // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1968. Т. 5. Стб. 448–451; Московский лингвистический кружок // Там же. Т. 9. Стб. 542–543, а также их совместную с Л.С. Сидяковым публикацию: Неизвестная статья Б.В. Томашевского // Труды по знаковым системам. Т.9. Тарту, 1977. С. 99–102. – П.Г.) организовать кружок советской литературы, где мы занимались бы примерно тем, о чем рассказывал Синявский. Ивлев охотно откликнулся и предложил выбрать темы докладов. Лазарь Флейшман взял Пастернака, Евгений Тоддес – Мандельштама, а мне по остаточному принципу достались женщины: Ахматова и Цветаева. Это была весна 1963 года, и с тех пор я так этим и занимаюсь» (Роман Тименчик: «У меня самоощущение латвийского русскоязычного еврея» (интервью) // <http://lechaim-journal.livejournal.com/99943.html>).

¹⁸ «В 1967 году под угрозой оказалась защита дипломной работы одного из лучших моих учеников, Е. Тоддеса, которую один из моих недоброжелателей посчитал неудовлетворительной. И тут мне в голову пришла удачная мысль обратиться к Николаю Васильевичу <Измайлову> с просьбой написать отзыв на работу этого моего студента, тем более, что ее тема («Анджело» и «Медный всадник») была ему близка. Николай Васильевич тут же откликнулся и вскоре прислал весьма благоприятный отзыв на работу Тоддеса, и это сыграло решающую роль, выбив «kozyри» из рук моих противников, предъявлявших автору (и прежде всего мне как его руководителю) облыжные обвинения в якобы методологических и идеологических просчетах. Защита прошла успешно и даже на удивление более или менее спокойно.

Н.В. Измайлов заметил работу Тоддеса, и когда тот спустя год опубликовал статью «К изучению «Медного всадника», высоко оценил ее, как и весь наш сборник в целом: «Радуюсь за Вас и Вас поздравляю – вот и у Вас есть уже ученики-пушкинисты, воспитанные Вами, и создается целая школа пушкиноведения в Рижском университете под Вашим руководством», – писал он мне 29 октября 1968 года. Николай Васильевич особо выделил статьи моих учеников Л. Флейшмана и Е. Тоддеса («в которых – т.е. учениках – и я принимал некоторое участие», – добавлял он в скобках); о работе

последнего он писал: «Статья Тоддеса кажется мне одним из наиболее самостоятельных и содержательных этюдов, писанных в последние годы». Все это лестно было услышать от Н.В. Измайлова, и я был глубоко ему благодарен за его добрые слова. Мне было приятно вскоре же ответить ему на его доброе отношение ко мне и моим ученикам...» (Л.С. Сидяков. Годы с Н.В. Измайловым // Пушкинист Н.В. Измайлов в Петербурге и Оренбурге. Калуга, 2008. С. 140–141).

¹⁹ Л.С. Сидяков. Годы с Н.В. Измайловым // Пушкинист Н.В. Измайлов в Петербурге и Оренбурге. Калуга, 2008. С. 138.

²⁰ Сидяков Л.С. Художественная проза А.С. Пушкина. Рига: Редакц.-издательский отдел ЛГУ, 1973. С. 2.

²¹ Там же. – С. 205.

²² Там же. – С. 207–208.

²³ Книги Пушкина в нашем труде // Венок Пушкину: Альманах библиофила. Вып. 23. М.: Книга, 1987. С. 372–376.

²⁴ Стихотворения Александра Пушкина. / Издание подготовил Л.С. Сидяков. СПб.: «Наука», 1997 («Литературные памятники»). Второе исправленное издание вышло в 2007 году и восполнило те досадные для Л.С. Сидякова неточности и устранило опечатки, которые были неминуемы в почти герметичных условиях начала 90-х, в которых пребывали ученые, волею истории разделенные границами; к объяснимым сложностям нужно присовокупить и болезнь ученого.

²⁵ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: библиографическое описание. М.: Книга, 1988 (Приложение к репринтному изданию).

²⁶ См. наиболее ценные работы последних лет: О тексте стихотворения Пушкина о дожде и догадке // Незавершенные произведения А.С. Пушкина. М., 1993. С. 32–40; «Стихотворения Александра Пушкина» и русский стихотворный сборник первой трети XIX века // Проблемы современного пушкиноведения. Псков, 1994. С. 44–57; Интонационные изменения в лирике Пушкина на рубеже 1830-х гг. // Русская литература. 2005. № 3. С. 3–29 (в соавторстве с Т.В. Тополевской); Распространение «Моей родословной» в списках (из истории раннего восприятия стихотворения Пушкина) // Русская литература. 2005. № 4. С. 21–34. Библиографию основных трудов ученого до 1992 года включительно см.: Профессор Лев Сергеевич Сидяков: Библиографический указатель. Рига: Латвийский университет, 1992.

²⁷ Сидяков Л.С. К проблемам пушкинской текстологии // Пушкин и другие. Сборник статей к 60-летию профессора С.А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 11.

²⁸ Флейшман Лазарь. Лев Сергеевич Сидяков // Даугава, 2002, № 3 (http://www.russkije.lv/ru/journalism/read/flejshman_sidjakov_pub/)